

Метлушко Ирина Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой фонетики
и грамматики английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Irina Metlushko

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Chair of Phonetics
and Grammar of the English Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
metluschko@mail.ru

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МНЕМИЧЕСКОГО НАРРАТИВА О ХАТЫНСКОЙ ТРАГЕДИИ

STRUCTURAL AND SEMANTIC ORGANIZATION OF THE MNEMONIC NARRATIVE ABOUT THE CHATYN TRAGEDY

В статье рассматриваются лингвистические (антропоцентричность современной научной парадигмы, «неупорядоченность нарратива», отсутствие междисциплинарной терминологической преемственности и т.д.) и экстралингвистические причины (геополитическая нестабильность и т.д.), сложности и перспективы (расширение представлений о когнитивных и коллективных мнемических процессах) изучения мнемического нарратива. Установлена модифицированная структурно-семантическая организация мнемического нарратива очевидцев хатынской трагедии в сопоставлении с описанной У. Лабовым структурой нарратива личного опыта. Выявлены перманентно реализуемые элементы структуры мнемического нарратива о хатынской трагедии – *последующие события* и *разрешение ситуации*. Определено, что *ориентация* как элемент структурной организации нарратива не имеет четкой локализации, а дисперсно представлена во всем тексте; *оценка происшедшего нарратором* не выделена в отдельный структурный элемент. Выявлено, что наличие адресата стимулирует диалогизацию мнемического нарратива и приводит к вербализации *коды* и *тезиса* в структуре нарратива.

Ключевые слова: *нарратив; мнемический нарратив; нарративизация памяти; коллективная память; Хатынь; Memory Studies.*

The article dwells on linguistic (anthropocentricity of modern scientific paradigm, “disorganization of narrative”, lack of interdisciplinary terminological continuity etc.) and extralinguistic reasons (geopolitical instability etc.), difficulties and prospects (expanding ideas about cognitive and collective mnemonic processes) of studying mnemonic narrative. A modified structural and semantic organization of the mnemonic narrative of the surviving witnesses of the Khatyn tragedy has been compared with the structural organization of the narrative of personal experience described by W. Labov. The permanent elements in the structure of the mnemonic narrative about the Khatyn tragedy are highlighted – *the complicating actions* and *resolution*. It is stated that *the orientation* as an element of the structural organization of the narrative does not have a clear localization, but is verbalized throughout the text; the narrator’s *evaluation* is not

highlighted as a separate structural element. The presence of an addressee stimulates the dialogization of the mnemonic narrative and leads to the verbalization of *the coda* and the *abstract* in the structure of the narrative.

Key words: *narrative; mnemonic narrative; narrativization of memory; collective memory; Chatyn; Memory studies.*

Интерес к изучению мнемического нарратива обусловлен антропоцентричностью современной научной парадигмы. Под мнемическим нарративом понимаются «повествовательные тексты, объединенные темой памяти или воспоминания, используемой в качестве стратегии текстообразования» [1]. Память человека – «одна из важнейших функций центральной нервной системы, на основе которой организм может использовать свой прошлый опыт для построения поведения в настоящем» [2].

Изучение мнемического нарратива в белорусской и российской лингвистике «пока еще находится на стадии разработки» [3]. Малоизученность феномена обусловлена рядом лингвистических и экстралингвистических причин. К первым относится отсутствие междисциплинарной терминологической преемственности, сложность в релевантной адаптации результатов трансдисциплинарных исследований, несмотря, например, на апелляцию к оязыковленной памяти представителями разных социально-гуманитарных областей научных знаний (лингвистов, социологов, антропологов и др.). Относительно недавнее (конец XX в.) знакомство широкого круга исследователей с работами М. Хальбвакса, П. Нора, Я. Ассман, А. Ассман, Н. Эппле и др. привело к формированию самостоятельного направления социогуманитарных исследований – *Memory studies*. Разрозненные инициативы по изучению дискурса памяти в целом и мнемического нарратива (одного из подтипов данного дискурса в частности) привели к созданию международной ассоциации «*Memory Studies Association*», проведению ежегодных тематических конференций, учреждению профильных центров, например, Национальный центр исторической памяти в России, 2023 г.

Влияние экстралингвистических причин на малоизученность мнемического нарратива значительно и одновременно амбивалентно. С одной стороны, особый научный интерес к изучению памяти, как надындивидуальному феномену (коллективная память [4]) возник в ответ на геополитическую нестабильность XX в., актуализируя потребность индивида и коллектива в осознании, осмыслении, нормировании, оценке и встраивании пережитых значимых мировых и локальных событий в ценностную парадигму коллектива с целью упорядочивания картины мира.

С другой стороны, многочисленные войны, смены политических режимов, техногенные катастрофы и т. п. представляют собой «antenarrative» (преднарратив) [5], т. е. индивид находится внутри «неупорядоченного нарратива», «невыстроенного повествования» [6], когда «нет ни сюжета, ни завершенности, потому что рассказчик видит все в настоящем времени, в котором и находится» [Там же], пытаюсь понять происходящее. В преднарративе не произведена селекция героев, соответствующих контекстов, не сформирована моноидеологичность [5]. Нахождение в преднарративе «отражает коллективную память до того, как сформировано общественное мнение, общественное согласие о происшедших событиях» [6], что также не позволяло осмыслить происходящее в непродолжительные мирные временные отрезки XX в.

Отметим, что трудности в изучении мнемического нарратива обусловлены и спецификой ключевого феномена исследования – памяти – негомогенного явления, включающего многочисленные процессы на условной нелинейной шкале от памятования до забвения, что затрудняет изучение и описание данного явления, получающего языковую реализацию в рамках некоторой одной научной области.

Вместе с тем сложно переоценить значение изучения мнемического нарратива, как источника сведений о специфике оязыковлениа прошлого индивидом и/или коллективом, хотя бы на основании того, что именно мнемический нарратив служит опорой для существования «мест памяти» [7] (мемориалов, памятников и т.д.), которые «могут функционировать как таковые в том случае, если они подкреплены соответствующими нарративами, циркулирующими в данном сообществе» [8].

В центре внимания настоящего исследования – мнемический нарратив об одном из памятных мест Республики Беларусь – Мемориальном комплексе «Хатынь», построенном на месте сожженной в результате карательной операции немецко-фашистскими захватчиками 22 марта 1943 г. д. Хатынь. Живыми было сожжено 149 человек, включая 75 детей до 16-летнего возраста [9]. Официально признано выжившими свидетелями трагедии Владимир (13 лет) и Софья (9 лет) Яскевичи, Александр (12 лет) и Виктор Желобкович (7 лет), Антон Барановский (12 лет) и Иосиф Иосифович Каминский (56 лет).

Выбор темы исследования обусловлен особым символическим статусом д. Хатынь, которая воплощает память о 169 сожженных во время Великой Отечественной войны деревнях на территории современной Республики Беларусь; многочисленными упоминаниями хатынской трагедии в современных белорусских СМИ: на сайте БелТА (в период с 05.07.2021

по 07.11.2023 опубликовано 1000 текстов, содержащих упоминание хатынской трагедии); актуальностью поискового запроса по ключевому слову *Хатынь* среди пользователей сети Интернет из Республики Беларусь (по данным Google Trends за 2023 г. данный запрос является «сверхпопулярным» среди пользователей поисковой системы Google в Республике Беларусь).

Цель настоящего исследования – установить структурно-семантическую организацию мнемического нарратива о хатынской трагедии.

Полагаем, что несмотря на наличие субъективного опыта, оценки и индивидуальных особенностей оязыковлениа памяти в текстах воспоминаний о хатынской трагедии количество сходств в их структурно-содержательной организации превалирует над различиями. Изучение специфики оязыковлениа, структурирования вербализованных воспоминаний представляется значимой в свете новых данных исследования Б. ван дер Колка о заторможенности проводящих путей головного мозга в момент угрозы или опасности, что приводит к временной утрате способности человека к говорению [10], а соответственно, указывает на физиологически обусловленные трудности в языковой фиксации мнемического опыта очевидцев-нарраторов.

Изучение структурно-семантической организации мнемического нарратива о хатынской трагедии осуществлено на корпусе текстов-воспоминаний выживших очевидцев трагедии. Тексты отобраны методом целенаправленной выборки в сети Интернет по поисковым запросам *Хатынь, сожженная деревня, хатынская трагедия*, а также по фамилиям выживших свидетелей. В корпус включены монологические тексты-воспоминания очевидцев (28 текстов), записанные и опубликованные в разное время (с 1946 по 2018 г.); тексты-интервью, данные выжившими очевидцами корреспондентам различных изданий (например, опубликовано интервью С. Яскевича корреспонденту издания «Советская Белоруссия»); скрипт 2-минутного выступления И. И. Каминского на церемонии открытия мемориального комплекса «Хатынь» 5 июля 1969 г., представляющий собой повествование от первого лица о трагических событиях в д. Хатынь 22 марта 1943 г.; 2 текста воспоминаний жителей соседних деревень (например, А. Рудак, С. Климович), побывавших в д. Хатынь (23 марта 1943 г.) и свидетельствовавших об увиденном на месте трагедии. Включение моно- и диалогических мнемических текстов обусловлено малочисленностью текстового материала, оставленного очевидцами трагедии.

Анализ структурной организации нарратива о хатынской трагедии проведен на основе концепции У. Лабова, описывающего 6-компонентную структуру нарратива личного опыта, к которому относится и мнемический нарратив: *тезис, ориентация, последующие события, разрешение ситуации, оценка произошедшего нарратором, кода* [11].

Изучение корпуса нарративов о хатынской трагедии позволяет заключить, что в 100 % исследованных текстов не соблюдается каноническая структура организации нарратива личного опыта, представленная в работе У. Лабова [Там же]. Модифицированная структура мнемического нарратива о хатынской трагедии представлена комбинацией *последующих событий* и *разрешения ситуации*. В текстах получает отражение как момент трагедии – сожжение, расстрел жителей деревни в сарае (*Открыв дверь сарая, каратели стали расстреливать из пулеметов, автоматов и другого оружия граждан, но стрельбы почти не было слышно из-за криков людей* (И. И. Каминский)), попытки выжить (*Мы с мамой выскочили из сарая и попали под шквал огня* (В. Желобкович)), так и события после оставления деревни немецко-фашистскими захватчиками (*Кем и когда производилось захоронение трупов и останков жителей деревни Хатынь, мне не известно, так как после всего пережитого, не мог видеть место уничтожения своих односельчан* (В. Желобкович)). Акцентуация нарраторами ключевых событий хатынской трагедии способствует быстрому погружению адресата в излагаемое и удержанию его внимания. Особо отметим, что воплощение таких структурных элементов, как *последующие события* и *разрешение ситуации* сопровождается многочисленными описаниями эмоционально-психических состояний (*от страха прижался к материнскому телу* (В. Желобкович)); характерологическими детализациями (*захватчики хладнокровно расстреливали* (В. Желобкович)).

Ориентация как компонент структуры исследованного мнемического нарратива не имеет четкой локализации, а фрагментарно присутствует во всех частях текстов и фиксирует информацию об участниках событий, времени, месте, сопутствующих ситуации обстоятельствах. Высокая степень детализации обусловлена стремлением нарратора убедить адресатов в подлинности рассказываемого.

Так, многочисленны указания на место происходящих событий: упоминают д. Хатынь (*То, что произошло с Хатынью, трудно было предсказать* (В. Желобкович)) и близлежащие территории (д. Хворостени, д. Козинец, хут. Мокредь): *Девочка слышала крики, остро ощущала запах гари и дыма, но до конца не понимала, что происходит. В смятении она направилась в сторону Мокреди, на хутор, где жили ее дядя и тетя*

(С. Яскевич). Очевидцы обращаются к описанию планировки деревни: наша хата стояла на самом краю с левой стороны (С. Яскевич). Выделяется детализированность репрезентации сарая – места трагедии: загнали в колхозный сарай, стоящий посередине деревни, представляющий из себя постройку с соломенной крышей размером примерно 12х10 метров (В. Желобкович).

Однако центральное место в смысловом наполнении элемента *ориентация* в исследуемых мнемических нарративах принадлежит повествованию о членах семьи и их участии (В семье было четверо детей: два брата, сестра и я – самый младший (В. Желобкович); Ему (племяннику) было всего 7 недель (С. А. Яскевич); Мой сын Адам еще успел спросить: а жива ли мама? И тут же умер (И. И. Каминский)); односельчанах и происходившего с ними (Один каратель приказал дочери Иодко – Марии (18 лет) – остаться дома (А Барановский)). Неоднократно упоминаются партизаны (22 марта 1943 года – этот день я запомнил на всю свою жизнь – в деревне также были партизаны (В. Желобкович), Часа в три дня зашли партизаны, фамилии которых я не помню, и сообщили, что горит деревня Хатынь (С. Климович)); фашисты (Мы под конвоем карателей двигались к центру деревни... Как только все сельчане оказались в сарае, фашисты его заперли (В. Желобкович)). Общим для всех очевидцев трагедии является акцент на личном опыте выживания в хатынской трагедии: В этой суматохе мне удалось бежать в лес (С. Яскевич); Я, раненый, чтобы не стрелял по мне каратель, лежал без движений, притворившись мертвым... (И. Каминский).

Детализированность в вербализации *ориентации* обусловлена особым вниманием к трагедии, необходимостью восстановления исторической достоверности. Вместе с тем, полагаем, что события 22 марта 1943 г. были столь драматичными, что их невозможно забыть, о чем свидетельствуют сами нарраторы: Как жить с такой памятью всю жизнь? (С. Яскевич).

Оценочность как элемент структурной организации мнемического нарратива, включающий *отношение рассказчика к действию* [11] не локализована в отдельный структурный элемент исследованных нарративов. Очевидцы детально фиксируют происшедшее, описывают муки жертв трагедии, указывают на свои эмоциональные состояния, при этом не отражая суждений относительно действий захватчиков. Полагаем, что это обусловлено наличием универсального осуждения действий немецко-фашистских захватчиков, что мотивировало нарраторов акцентировать внимание на жизни и смерти родных и односельчан, на произошедшей

трагедии, нежели на осуждении действий оккупантов. Вместе с тем отсутствие вербализованного авторского отношения к излагаемому дает возможность адресатам оценить изложенные факты о хатынской трагедии, сформировать личное оценочное суждение.

Однако отсутствие элемента *оценочности* в структурной организации исследованного мнемического нарратива не тождественно отсутствию вербализованной оценочности как языковой категории (*страшные дикие вопли людей; в озлобленной форме* и т.д.), которая многократно воплощается во всех исследованных нарративах.

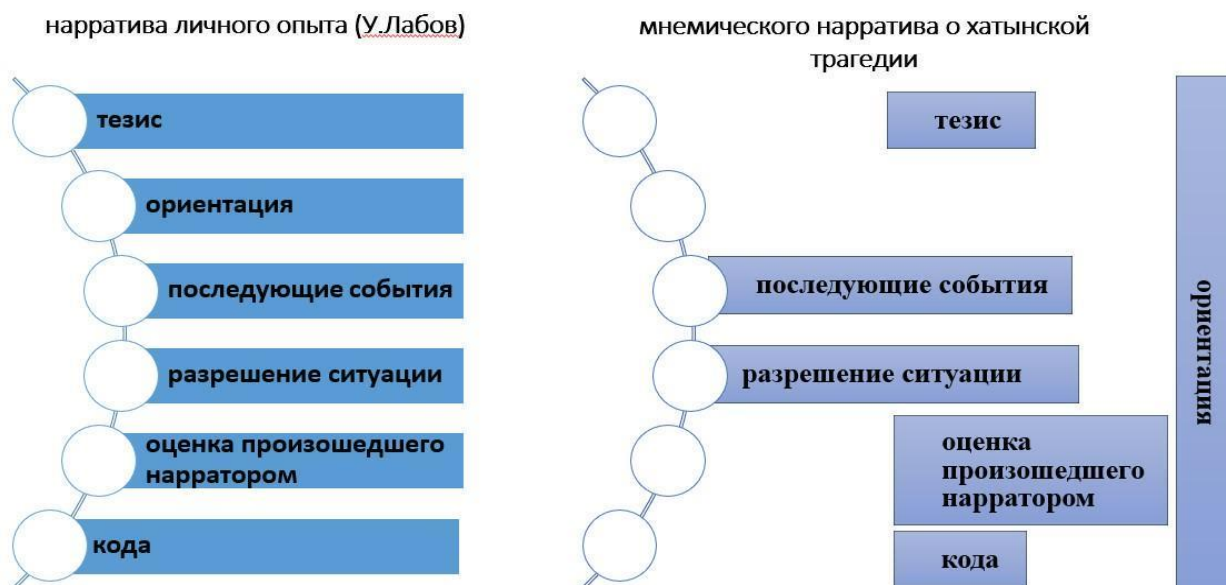
В 87,5 % всех проанализированных нарративов от первого лица не выявлены *тезис* и *кода*, что обусловлено отсутствием необходимости малочисленным выжившим очевидцам апеллировать к персональным мнемическим процессам, дополнительно погружать адресата в контекст хатынской трагедии, известной каждому белорусу (о событиях в д. Хатынь было известно жителям иных населенных пунктов еще во время Великой Отечественной войны, о чем свидетельствует размещенный в Мемориальном комплексе «Хатынь» экземпляр акта жителей д. Селище Плещеницкого района Минской области о сожжении карателями д. Хатынь от 25 марта 1943 г.). Так, структурно-семантическая организация воспоминаний И. И. Каминского представлена лишь элементами *последующие события* и *разрешение ситуации*, что обеспечивает непосредственное описание момента трагедии: «Обреченные на смерть люди, в том числе я и члены моей семьи, сильно плакали, кричали».

Наличие *коды* выявлено в воспоминаниях С. Яскевич («Как жить с такой памятью всю жизнь? Разве легко? Вы молодежи расскажите, пусть знает и никогда не воюет, нужно мирно жить, детки») и И. И. Каминского («Дорогие товарищи, прошу, чтоб больше этого не получилось, чтоб мы дожили век, чтоб больше этого не было» [12]), что объясняется наличием собеседника в случае фиксации воспоминаний С. Яскевич – интервью корреспонденту газеты «Советская Белоруссия» и наличием аудитории во время выступления И. И. Каминского при открытии Мемориального комплекса в д. Хатынь. Полагаем, что структура мнемического нарратива зависит от ее моно- или диалогической формы.

Универсальным для всех проанализированных нарративов является отсутствие текстов, соблюдающих последовательную реализацию всех 6 компонентов структуры нарратива личного опыта, что допускал и В. Лабов в пересмотренном варианте своей теории [13].

Обобщенная структура мнемического нарратива о хатынской трагедии в сопоставлении с концепцией структурной организации нарратива личного опыта У. Лабова представлена на рисунке.

Структурно-семантическая организация



Структура мнемического нарратива о хатынской трагедии в сопоставлении с концепцией структурной организации нарратива личного опыта У. Лабова

Представленные на рисунке данные иллюстрируют полученные в ходе исследования результаты: структура мнемического нарратива о хатынской трагедии, относящегося к нарративу личного опыта, имеет значительные отличия от последнего (описанного У. Лабовым) и перманентно представлена такими структурными элементами, как *последующие события* и *разрешение ситуации*, что способствует оперативному погружению адресата в контекст описываемых событий и создает достоверную картину происшедшего.

Выявленные различия как в компонентном составе структуры нарратива, так и в последовательности реализации тех или иных элементов структуры указывают на особенности отбора и структурирования значимой информации нарраторами, при наличии общей интенции – поделиться воспоминаниями о хатынской трагедии.

Более того, отмечены значительные модификации в реализации *ориентации*, которая не получает четкой локализации в структуре нарратива, а представлена вкраплениями в иные структурные блоки исследуемого нарратива. Частотная апелляция к пространственно-временным координатам, упоминание людей и т.п. способствует более точной «визуализации» событий адресатами.

Установлено, что актуализация компонентов в структуре мнемического нарратива зависит от наличия/отсутствия аудитории при фиксации или воспроизведении воспоминаний. Наличие собеседника побуждает

автора к диалогизации, дополнительному обозначению и комментированию мнемических процессов (на структурном уровне представлено *тезисом*), а также к маркированию выхода из воспоминаний (выражено *кодой*).

Примечательным является отсутствие элемента *оценка произошедшего нарратором*, что, полагаем, связано со стремлением очевидцев максимально точно отразить происшедшее, без повторения всеобщего осуждения действий немецко-фашистских карателей.

Таким образом, сопоставление структурно-семантической организации нарратива личного опыта (концепция У. Лабова) с организацией мнемического нарратива о хатынской трагедии указывает на модифицированность структуры последнего. Так, при общности структурных элементов (*последующие события, разрешение ситуации, оценка произошедшего нарратором* и т.д.) и в нарративе личного опыта, и в мнемическом нарративе о хатынской трагедии, для последнего характерно перманентное воплощение таких элементов, как *последующие событий и разрешения ситуации; ориентация* как элемент структурной организации нарратива не имеет четкой локализации, а дисперсно представлена во всем тексте; *оценка произошедшего нарратором* – не выделена в отдельный структурный элемент.

Выявленные различия в структурно-семантической организации мнемического нарратива о хатынской трагедии свидетельствуют о специфике отбора, структурирования и оязыковлени очевидцем значимых драматических исторических событий. Более того, установлено, что несмотря на возрастные, гендерные и иные различия в мнемическом опыте очевидцев-нарраторов, оязыковление воспоминаний имеет значительные сходства на уровне структурно-семантической организации мнемического нарратива о хатынской трагедии, что является значимым и требующим дальнейшего изучения способов вербализации когнитивных процессов индивида как продуцента мнемических нарративов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Burima, M.* Memory Narrative Waves in the 20th Century Latvian Literature [Electronic resource] / M. Burima // ResearchGate. – Mode of access: https://www.researchgate.net/profile/Maija-Burima/publication/282913652_MEMORY_NARRATIVE_WAVES_IN_THE_20_TH_CENTURY_LATVIAN_LITERATURE/links/56227ac608aed8dd1943fe4a/MEMORY-NARRATIVE-WAVES-IN-THE-20-TH-CENTURY-LATVIAN-LITERATURE.pdf. – Date of access: 01.11.2023.

2. Память [Электронный ресурс] / Н. Ю. Беленков [и др.] // Большая медицинская энциклопедия / под ред. Б. В. Петровского. – 3-е изд. – М., 1982. – Т. 18. – Режим доступа: <https://бмэ.орг/index.php/ПАМЯТЬ>. – Дата доступа: 01.11.2023.
3. Тивьяева, И. В. Структурная организация мнемического нарратива [Электронный ресурс] / И. В. Тивьяева // Сиб. филол. журн. – 2020. – № 1. – С. 303–315. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnaya-organizatsiya-mnemicheskogo-narrativa/viewer>. – Дата доступа: 09.11.2023.
4. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – М. : Новое изд-во, 2007. – 348 с.
5. Boje, D. M. Deconstructing the narrative story-duality – constructing a space for ethics [Electronic resource] / D. M. Boje, K. M. Jørgensen // Derrida, Business, Ethics : Symp., Centre for Philosophy and Political Economy, Univ. of Leicester, 14–16 May 2008. – Mode of access: https://d1wqtxts1xzle7.cloudfront.net/48783790/boje_paper-libre.pdf?1473724239=&response-content-disposition=inline%3B+filename%3DDeconstructing_the_narrative_story_duali.pdf&Expires=1699688507&Signature=ISlfGyMGoMiTmDyru9OgzNFDpIKInCJdgjchdWq1Vmh0TswDF92457HUSZDzlEjorspJ52~GPBPNBaj0~yl0Xu5ykJ-ibBvx2-AyDSZnGAxJDDe7SdnViwFKGXQrXO2m9qqGywX5Mv0ueWSfMsbYRFCGPRcJkpW5EuoNVPuwfRY7beivwTsVDWb0srK4~q7BsmT~CocB35mP9T-HTSJ4qLYVaEnOfnjjuOgNLFqvzGEKXp2xnS2vITWD3XNCJLpXqnY9oGymxp1B2FT1EjiTLGPHzG31jxFpbil6JVDTpqPEmbJ5vPdQYjhXLHhBeyg5dV7Sb1lbZLSUicuNu5jg__&Key-Pair-Id=APKAJLOHF5GGSLRBV4ZA. – Date of access: 11.11.2023.
6. Почепцов, Г. Г. Нарративный инструментарий воздействия [Электронный ресурс] / Г. Г. Почепцов // Верхневолж. филол. вест. – 2015. – № 3. – С. 41–47. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/narrativnyy-instrumentariy-vozdeystviya/viewer>. – Дата доступа: 11.11.2023.
7. Нора, П. Проблематика мест памяти [Электронный ресурс] / П. Нора // Франция-память / П. Нора [и др.] ; пер. с фр. Д. Хапаева. – СПб., 1999. – С. 17–50. – Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>. – Дата доступа: 07.11.2023.
8. Васильев, А. Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов [Электронный ресурс] / А. Васильев // Новое лит. обозрение. – 2012. – № 117 (5). – С. 18–25. – Режим доступа: <https://magazines.gorkymedia/nlo/2012/5/memory-studies-edinstvo-paradigmy-mnogoobrazie-obektov.html>. – Дата доступа: 01.11.2023.
9. Хатынь: Государственный мемориальный комплекс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.khatyn.by/ru/>. – Дата доступа: 07.11.2023.

10. *Van der Kolk, B. A. The Body Keeps the Score: Brain, Mind, and Body in the Healing of Trauma* [Electronic resource] / B. A. Van der Kolk. – New York : Viking, 2014. – 445 p. – Mode of access: https://archive.org/stream/436-brain-mind-and-body-in-the-healing-of-trauma-with-bessel-van-der-kolk-md/436_djvu.txt. – Date of access: 05.11.2023.
11. *Labov, W. Speech actions and reactions in personal narrative* / W. Labov // *Analyzing discourse: Text and talk* / ed. by D. Tannen. – Washington, D. C., 1987. – P. 219–247.
12. *Азанович, Т. «Я спряталась под картошкой и старым пальто накрылась». Последние свидетели Хатыни рассказывают, как им удалось выжить* / Т. Азанович // *Республика*. – 2018. – 22 марта. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/poslednie-svideteli-khatyni.html>. – Дата доступа: 10.11.2023.
13. *Labov, W. Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience* [Electronic resource] / W. Labov, J. Waletzky // *J. of Narrative and Life History*. – 1997. – Vol. 7, iss. 1–4. – P. 3–38. – Mode of access: <https://www.jbe-platform.com/content/journals/10.1075/jnlh.7.02nar>. – Date of access: 05.11.2023.

Поступила в редакцию 27.12.2024